

18+

Алексей Понедельченко

ВЕСЕЛО И СТРАШНО

Алексей Понедельченко

Весело и страшно

«Издательские решения»

Понедельченко А.

Весело и страшно / А. Понедельченко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932793-2

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Автор приглашает читателя послужить в армии, поработать антенщиком, таксистом, а в конце починить старую «Ладу». А помогут ему в этом добрые и отзывчивые люди! Добро, душевная теплота, дружба и любовь красной нитью проходят сквозь всю книгу. Хорошее настроение гарантировано! Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-932793-2

© Понедельченко А.
© Издательские решения

Содержание

Рассказы об армии	6
Лучшие из лучших	6
Добровольцы	6
Кто не хочет в ВДВ?	7
Лучшие из лучших	8
Служба	9
Логика	10
Прыжки	11
Еда	12
День сурка	13
Гражданка	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Весело и страшно

Алексей Понедельченко

© Алексей Понедельченко, 2019

ISBN 978-5-4493-2793-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рассказы об армии

Лучшие из лучших

Добровольцы

В армию я пошёл специально.

Специально уволился с хорошей работы, с девушкой попрощался, пришёл в военкомат и говорю:

– Товарищи военные, хочу служить!

А они мне в ответ:

– Нельзя тебе, Лёша, служить. У тебя же компрессионный перелом позвоночника был! А еще ты шею себе сворачивал. А колено вспомни? А кости плюсневые? С тобой же травматологи на улице здороваются! Как ты бегать будешь? А строем ходить? Иди домой – проспись!

А я им:

– Здоров я, товарищи! Хочу Родине служить! Не спится мне, ну никак не засыпается.

А они всё ни в какую:

– Лёшенька! Да у тебя привод в милицию был! Да у тебя отец в тюрьме умер! Какая тебе армия? Уходи скорее из нашего военкомата, не позорь, Алёша, не позорь ты наши погоны и ратные стены мобилизационного учреждения.

А я опять не растерялся:

– Да что вы за мою биографию цепляетесь? Врачи говорят – здоров, вы сами справки видели! А вот характеристика хорошая с работы. Скорее берите меня в армию! Я в спортзале гиперэкстензию делаю, я на гитаре играю, я на стройках работал – я в армии везде пригожусь.

В общем, сжалились они надо мной. Хорошо, что в военкомате добрые и честные люди работают.

Впрочем, о чём это я? На самом деле я никуда специально не шёл. Меня просто застали дома, вручили повестку, голосом продублировали о необходимости явиться и не пытаться откосить. Военкомат призвал, я был не против, а в Российской армии всякий не откосивший уже достоин гордо называть себя добровольцем.

«Добровольческое» настроение также обеспечивала пропаганда. Тогда фильмов а-ля «9 рота» снимать ещё не умели, но смогли снять отличный фильм «ДМБ». Призывники начала нулевых, к числу которых относился и я, были пропитаны похуизмом не меньше персонажей этого легендарного кино.

В день отъезда возле военкомата собралось много пьяных людей разного возраста. Кто-то из провожавших всю ночь гулял на свадьбе и прибыл к военкомату с лентой «Свидетель» через плечо. На улице лежал декабрьский снег, провожающие были одеты в серые зимние одежды и смотрели на нас глазами больных животных. Мы были одеты в старое шмотье «на выброс» и грустно курили. Только «свидетель» был одет в кожаную жилетку поверх белой рубашки, дико чему-то радовался и кричал: «Херня-война, салаги, главное шарить!»

Меня и ещё пять человек посадили в УАЗик типа «буханка» и повезли в областной сборный пункт. Это такое место, куда свозят всех призывников из региона и откуда их же развозят по воинским частям страны. Из динамиков в салоне УАЗика пел Жириновский. Точнее, не пел, а в манере Левитана читал под синтезатор стихи: «Россия. Россия. Великая. Сила».

За всю дорогу водитель УАЗика несколько раз предлагал нам выпить за деньги, а когда понял, что пить никто не желает, просто просил занять ему «рублей двести-триста» под предлогом того, что у нас всё равно всё отберут уже через пару часов, а он через два года обязательно отдаст. Предприимчивый дядька привёз нас на сборный пункт и передал в распоряжение ещё более предприимчивым дядькам, но уже в военной форме.

– Алкоголь, скоропортящиеся продукты, наркотики и деньги лучше сдавайте сразу.

– А если не сдадим, то что будет? В армию не возьмёте?

Один из встречающих нас военных выставил на стол наши сумки и начал изучать их содержимое. Из одной сумки он взял себе палку колбасы, из другой пачку печенья «Земляничное». А варенье не взял. Из моей сумки он зачем-то забрал себе шерстяные носки. Досмотр был окончен, и нас повели дальше.

– Нахера ему носки? Неужели у него их нет?

– А он в них колбасу положит с печеньками и спиногрызам своим подарит на новый год. Это шакал. Шакалы – они такие, мне про них брат рассказывал.

– А кто такие шакалы?

– Черти.

– А брат твой, это тот, который «свидетель» и нас салагами называл?

– Ага. Да он пьяный просто, со свадьбы.

– Странно. Вроде брат, а вместо проводов на свадьбе бухал.

– А он сводный.

Нас привели в одну из больших комнат с дверями из решёток снаружи и двухэтажными шконками внутри. Военный, который нас закрывал, сразу огласил прайс на свои услуги. Одной из них был звонок по телефону за 50 рублей. Я позвонил домой и сказал, что со мной всё хорошо.

На шконках группами сидели призывники и пили разное. Закусывали в основном копчёным салом и конфетами «Буревестник». Периодически двери-решётки открывались, внутрь входили военные и, зачитав несколько фамилий, уводили несколько человек. По коридорам ходили какие-то усатые люди в нарядах казаков. Они периодически кричали, что мы не люди, а позор Отечества. Мы посылали их на три буквы.

– Посмотрите на себя, будущие защитники. Вы как свиньи!

– Мы бухаем и не прячемся. Мы, может, в Чечню поедем и пьём нормально в последний раз. А ты тут, как вертухай, и с шакалами трёшься.

Сводный брат «свидетеля» откуда-то достал 0,5 «Пшеничной». К нам подсели ещё несколько человек, и мы начали пить.

Кто не хочет в ВДВ?

На следующий день меня и ещё 39 человек вывели в коридор и построили в одну шеренгу. Поводом для построения оказались двое военных. Один из них пробежался по нам своим взглядом, назвал свою фамилию и звание, а затем сказал:

– Вы поедете служить в ВДВ.

Повисла пауза.

– Кто не хочет служить в ВДВ – шаг вперёд.

Желающих не служить не нашлось.

– Не, ну вы подумайте! Вдруг кто-то хочет служить в свинарнике и катать тележку с кормом для скота? Или, может быть, кто-то хочет служить в желдорбате – носить на себе обосанные и обосранные шпалы?

Желающих шагнуть вперед по-прежнему не появилось.

– Я так и думал. Вы же сибиряки!

Нам сказали, что отныне мы команда номер 105, и, если кто-то собирался сбежать, лучше сделать это до того, как мы сядем в поезд. А ещё лучше будет, если каждый из нас зубной пастой напишет на одежде своего товарища номер 105. Лучше это сделать на спине, так как там больше всего места, а те, кто перебрал водки, блеют и валяются на животе, а значит, со спины их будет легко опознать. Идею с пастой встретили дружно и писали не только номер команды, но и три заветных буквы «ВДВ». До ВДВ мы ещё даже не доехали, а половина людей уже начала дико гордиться.

Ночью я много думал. Второе августа для меня всегда было особенным днём, так как это день моего рождения. Каждый год в этот день я видел на улицах здоровых мужиков в голубых беретах и тельняшках. Они ходили по улицам, ездили верхом на разных внедорожниках, дрались с кавказцами. Их все боялись и уважали одновременно. И вот завтра меня и ещё 39 человек посадят в поезд и увезут в такое место, где мы станем такими же, как вот эти здоровые мужики, которых я видел? Мне всегда казалось, что в ВДВ забирают самых лучших: спортсменов, здоровых, не алкашей и прочих. А мы кто? Ну, вот допустим, из того лысого, который спит на соседней шконке, ещё десантник получится. А из того ушастого? Он же ростом полтора метра и дрищ. Всю жизнь в деревне сало с творогом жрёт, а не в коня корм.

В это время в другом конце нашей большой спальной комнаты началась драка. Кто-то из нашей команды подрался с кем-то из команды внутренних войск.

– Ты что, дубачье ебаное, в столовой на меня пиздел там, а? Мне твоё ебало сразу не понравилось. На, сука, тварь. Куда ты, ты нахуй? Пацаны, держите этого краснопёрого! На тебе, сука, получи! За ВДВ...

Драка принимала коллективный оборот. Я повернулся к окну и заснул.

Везли нас прицепкой почти трое суток. Сзади к нам был прицеплен вагон с экаками, который отцепили только в Челябинске. Все эти неполные трое суток мы доедали и допивали свой домашний провиант, смеялись, рассказывали друг другу истории из своей жизни. Мечтали о том, как отслужим и будем каждый год встречаться где-нибудь и вспоминать вот этот вагон, например. Последние два часа все ехали молча, и молчание это, казалось, заглушало стук колес.

Лучшие из лучших

Сразу после прибытия в часть нас рассадили в классе подготовки сержантов и начали задавать разные вопросы. За столом сидел заместитель командира учебного батальона, а рядом с ним офицер, который нас привёз.

– У кого из вас есть высшее образование – встать!

Встал один.

– На кого учился?

– Зооинженер.

– Инженер – это хорошо. В дизелях понимаешь?

– Немного.

– А в чём много?

– В цыплятах.

– Нахер нам цыплята?

– Ну, я же зооинженер.

– Садись, цыплёнок.

Вопросы были разные: состав семьи, вероисповедание, наличие гражданской специальности. Я был одним из шести человек, которые окончили что-либо кроме школы. И вот, когда офицер попросил встать всех судимых, встали 14 человек.

– Нихуя себе! – присвистнул замкомбат.

- Один, два, три, десять, четырнадцать. Ты кого мне привёз?
- Лучшие из лучших. Ты бы видел дела остальных. Там через одно – то «алкаш», то «суицид», то ещё кто.
- Четырнадцать, блять, человек из 40. Эй, цыплёнок, который инженер, 14 из 40 – это сколько процентов?
- Примерно 40.
- Половина, блядь, арестантов!
- А ты в том году кавказцев привёз восемь человек. Полгода прошло – половина уже сидит... Кто на дизеле, а кто...
- Так, ладно... Давай по-порядку. Ты, ушастый. Фамилия, имя, за что судим?
- Кража.
- Что украл?
- Мясо.
- Во бля. Следующий. Ты, недомерок, за что судим?
- Кража.
- Что украл?
- Ксерокс.
- Нахера тебе ксерокс? Ладно, вон этот мясо украл – есть хотел. А тебе ксерокс нахер сдался?
- А вы спросите, сколько тот мяса украл?
- Сколько ты мяса украл?
- 7 тонн.
- Что?
- Ну, мы фуру угнали... В телеге мясо было.

Когда сощопрос был окончен, нас повели в баню, а замкомбат остался сидеть за столом в классе подготовки сержантов. Его ладони в ту ночь надолго приросли к лицу.

Служба

А дальше началась служба. Самая обыкновенная: подъём, построение, зарядка, занятия. Почти всех нас определили в сапёры и называли одноразовыми. Во взводе нас было 30 человек, и все говорили, что 31-ую мину мы уже не найдём. На одном этаже с нами находились артиллеристы, связисты и разведчики. И каждый день мы слышали о преимуществах тех или иных.

– Вы же, блять, связисты! Вы – элита ВДВ. Самые грамотные солдаты должны в связи служить! А вы, сука, засыпаете на занятиях. Упор лёжа принять!

– Вы попали в разведку! Разведка ВДВ – это гордость не только ВДВ, это гордость всех вооружённых сил, всей армии. А вы три километра пробежать нормально не можете. Упор лёжа принять.

– Артиллерия – боги войны. Каждый мужик тянется к железу. У каждого это железо своё. А вы – элита ВДВ, вы должны к своему вооружению тянуться. А у вас, блять, ручки мерзнут даже автомат разобрать. Упор лёжа принять.

То же самое происходило в других ротах: снайперы – элита, гранатометчики – особая каста и так далее.

С нашим же взводом всё было проще:

– Одноразовые, упор лёжа принять.

По вечерам на общих построениях разные офицеры говорили о том, что где-то в других воинских частях такие же пацаны подметают взлётную полосу, косят траву, охраняют рельсы и мечтают о голубом небе и белых парашютных куполах над головой. Однако им всем не повезло, а мы не ценим свалившегося на нас счастья и потому – упор лёжа принять. Плохо

ходим строем – упор лёжа принять, отставить, садись, руки за голову, идем гуськом. Автомат нужно разбирать быстрее, упор лёжа принять. Замерзли – упор лёжа принять. Плохо бегаєте, у вас боец отстал, хватайте и несите его с собой на руках, ВДВ своих не бросает, тащи его, помогай. Один за всех и все за одного, вы, сука, попали в элитные войска. Мозоли? Будем бегать, пока ноги до жопы не сотрем. Укладка парашюта, растянуть купол, найти четырнадцатую стропу, я сказал четырнадцатую, обезьяна, упор лёжа принять. Плохо поём гимн – упор лёжа принять, поём в упоре лёжа, отставить, садись, прыгаем и хлопок в ладоши над головой, славься Отечество наше свободное, не слышу, громче, громче, упор лёжа принять. Это не элита – это куча беременных баб, вспышка слева, отставить, вспышка справа, отставить, к бою, по-пластунски вокруг казармы, встать, ложись, встать, справа в колонну по одному в расположение бегом-марш, десять секунд времени – отбой, отставить, десять секунд времени – отбой, отставить, да ты, толстый, спать не хочешь, все, кроме толстого, упор лёжа принять, толстый, десять секунд времени – отбой, взвод, отжимаемся – раз, два, толстый – подъём, раз, два, взвод – полтора, толстый – десять секунд времени – отбой, подъём. Все отбой, десять, девять, восемь, толстый, шустрее, два, один!

И мы все проваливаемся в одну и ту же темноту, где нет снов и ночь пролетает за минуту.

Утро.

– Рота, подъём!

– Подъём, слоны ебаные, отставить! Подъём! Форма одежды номер четыре. Ну же, толстый, хер ли ты там возишься? Взвод, упор лёжа принять, ждём толстого. Толстый, ползи в строй.

– Рота, выйти строиться на плац!

– Быстрее!

Сырой зимний ветер несёт с собой первый куплет песни: «Расплескалась синева, расплескалась». Синева расплёскивается из штабного громкоговорителя. Эту песню мы скоро, вольно или нет, выучим наизусть.

– Эй, рыжий, в ВДВ отжимаются на кулаках? Что болит? Да мне похуй. Эй, ты, да, ты, жопу подними. Выше. ВЫШЕ! Вот так! Ты же, сука, десантник, выше зад! Опускаемся ниже! И что, что лужа? Да мне похуй, ниже корпус, пока я в эту лужу не нассал. Откуда вас таких привозят, а? Элита, бля...

– Ну что, Серёга, как молодняк?

– Третий сорт – не брак.

– А что вот тот у тебя херово отжимается?

– Себя вспомни, слоняра? Толстый, не слушай никого. У меня и бегать будешь, и отжиматься, и все нормативы сдашь. Я из тебя десантника сделаю за эти полгода, не ссы...

Добродушный толстый парень отжимается и пыхтит. Он не знает, что будет через полгода. Никто не загадывает на такой долгий срок. Все хотят дожить хотя бы до обеда, а там хоть ядерный удар.

Логика

В российской армии всё предельно логично.

Взять, например, меня. До армии я занимался в радиокружке – паял всякие транзисторные безделушки, окончил радиотехникум и хорошо разобрался в средствах связи. Я был уверен, что в армии я буду связистом.

– Гражданская специальность есть?

– Так точно. Радиотехник.

– Радиотехник – это хорошо. Будешь сапёром.

Проходит полгода и меня из учебного батальона переводят в отдельный боевой.

- Гражданская специальность есть?
 - Радиотехник.
 - Хорошо. В учебке на кого учился?
 - Сапёр.
 - Хорошо. Будешь пулемётчиком.
- Всё логично.

Если человек любит курить в неположенных для этого местах, его непременно снабдят куском водосточной трубы, которая выкрашена в цвета сигареты и имеет размер в человеческий рост. С такой «сигаретой» солдат может «курить» везде. То же самое касается, например, бритвенного станка. Если ты потерял бритвенный станок и не побрился, тебе, конечно же, выдадут другой станок – из бревна и прибитой к нему с торца доски.

Смотришь, бывало, строй идёт: у одного станок – с утра не побрился, у другого сигарета – где-то покурил, у третьего на голове вместо берета голубая каска и на груди фанерный щит с надписью «Я – чмо!» – этот в самолёте раздумал прыгать, а в конце строя парень гирию с надписью «совесть» несёт – он свою совесть потерял и пока общую взял напрокат. А вот наряд в столовую идёт: один телевизор тащит, второй антенну с пультом. Это ребята просто любят телевизор на дежурстве смотреть. А коли так – пусть смотрят его неотрывно до самого конца дежурства. Есть даже анекдот, как один прапорщик, услышав от жены, что та за весь день ни разу не присела, заставил её присесть 50 раз. Всё справедливо, логично, и после двух лет пребывания в такой логике уже невозможно до конца перестроиться на жизнь в рамках здравого смысла.

Или вот, например, купил как-то солдат себе печенку с повидлом, залез на дерево и начал её кушать. Мимо проходил прапорщик и, завидев на дереве солдата, крикнул ему: – Эй, слоняра! Ты что там жрёшь? – Я не слоняра! – громко крикнул в ответ солдат и выронил из рта печенку с повидлом. – Слоняра! – сказал прапорщик, поднял печенку, отряхнул и понёс своей дочке, у которой как раз был какой-то праздник

Прыжки

Главная особенность воздушно-десантных войск – конечно же, прыжки с парашютом.

Первый прыжок ознакомительный и самый простой. На тебе только парашют. Всё, что требуется, – покинуть самолет и держать ноги вместе перед ударом о землю при приземлении. Дальше дело идёт веселей и прыгать нужно уже с автоматом, рюкзаком и/или грузовым контейнером, например. В магазине автомата пять холостых патронов и крайне желательно их отстрелять до приземления. Времени хватает не всем и многие расходуют патроны уже на земле. Не сдавать же их назад.

Зимой прыгать грустно и холодно. Зато летом весело. Сдует тебя в какой-нибудь дачный огород, и вот возвращаешься ты на аэродром с полным рюкзаком яблок, обожрёшься и спишь, как свинья под дубом. Дачники, конечно, всегда были против такого сбора урожая и писали заявления в прокуратуру. Однако лично никто и никогда ничего не говорил. Да и как сказать? Допустим, сидите вы у себя на даче, пьёте квас, гладите урчащего кота, и тут с неба вам в огород падает какая-то зелёная обезьяна. Обезьяна спешно отвязывает от себя автомат, палит несколько раз в воздух, а потом начинает жрать ваши яблоки. Тут, право, и поругаться хочется, но как ругаться с человеком, у которого в руках настоящий АКС-74? Лучше в прокуратуру.

Но самое веселое в прыжках – это, конечно же, укладка парашюта.

В батальоне примерно 300 человек. На плацу растягивают примерно 150 столов-полотнищ. Парашют укладывают по двое. До обеда укладываем твой, после обеда укладываем мой. Инструктор по воздушно-десантной подготовке командует: «Выполнить первый этап

укладки!», после чего идёт проверять. В руках у офицера длинный стальной прут, который все называют «замполит Прутков». Офицер проверяет правильность выполнения.

На третьем столе что-то сделано не так:

– Иванов, Сидоров, я же сказал: сделать первый этап, наложить стропу, а вы что сделали?

Переделайте. Вот так, молодцы. Да.

На десятом столе аналогичная ситуация:

– Блядь, ещё двое. Я же сказал: выполнить первый этап. Переделывайте. Быстрее. Быстрее, блядь!

На двадцатом столе тоже непорядок:

– Обезьяны, упор лёжа принять! Отставить! Принять! Отставить! Что сложного в том, чтобы выполнить первый этап укладки парашюта сразу и нормально?

Ближе к сотому столу офицер краток и лаконичен:

– Рррыыйблятьсуканахуй, встать, смирно! Кру-ГОМ! Руки вперёд. Вперёд, я сказал!

В воздухе сверкает стальной прут и поочередно со свистом прикладывается к заднице одного, а потом к заднице другого укладывающего.

И так весь день. Тяжёлая это работа – служить офицером ВДС.

– Товарищ гвардии майор, гвардии рядовой Иванов парашют укладывал лично, к прыжку готов.

– Ещё бы!

Еда

Кормят в армии неплохо, только первое время не наедаешься и первые месяцы очень сильно хочется есть. Ночью от этого желания можно даже проснуться. Вы когда-нибудь просыпались от того, что хотите есть? В учебке некоторые начали терять вес. Таких набралось примерно полсотни. Для них было организовано особое меню и их водили в столовую отдельно. Их порции были больше, им давали больше молока и больше хлеба. Их питание называлось диетическим, а их самих называли диетчиками. Первое время диетчики радовались свалившемуся на них счастью в виде дополнительного пайка. Радость длилась меньше суток.

– Минетчики, выйти строиться на плац для построения на завтрак.

Диетчики вышли на улицу и построились.

– В столовую, шагом-марш. Отставить! Не слышу три чётких строевых шага. Шагом! По команде «Шагом» корпус тела подаётся вперёд, МАРШ! Отмашка рук. Отмашка рук, я сказал! Минетчики, к бою! Не умеем ходить – придётся ползти.

Полсотни диетчиков ползут по-пластунски в столовую, чтобы съесть там свою увеличенную порцию еды.

На обратном пути из столовой диетчики плохо пели песню и потому обратно им пришлось идти гуськом с руками за головой. Мимо диетчиков идёт наш строй на свой обычный приём пищи. Нам легко и свежо. В это время диетчики на корточках начинают совершать прыжки и хлопать руками над головой. Двое из диетчиков блюют. Судя по содержанию их желудков, на завтрак дают рисовую молочную кашу. Ням-ням!

– Рядовой Иванов, ты наедаешься?

– Так точно!

– А почему ты такой худой?

– Я занимаюсь спортом, как всякий настоящий десантник.

– Может быть, ты нуждаешься в особом диетическом питании?

– Никак нет!

Когда мы принимали присягу, ко всему батальону приехали родители. Они привезли с собой колбасу, курицу, сгущёнку, пирожные, варенье и так далее. Все были рады. Все, кроме

нашей сто пятой команды. Наши родители находились в другой части света и не могли позволить себе потратить неделю на дорогу туда-обратно. Ни к кому из нас никто не приехал.

Вечером после присяги наш батальон пошёл на ужин. Мы сидели в центральном ряду столовой. С одной стороны от нас сидели связисты, с другой стороны сидели разведчики. И те и другие ели привезённые родителями гостинцы. Кто-то пихал в себя пирог и запивал сгущёнкой. Другой уплетал сушёные бананы. Третий давился печеньем, запивал его газировкой и ежеминутно отрывал газами.

Наш ряд столов в это время спокойно ел казённую перловую кашу и горячую воду цвета чая.

Кто-то из обжирющихся разведчиков перехватил наши взгляды:

– Пацаны, заберите мою перловку, я все равно её не буду есть.

– Пошёл на хуй.

– Слышь?

В это время в зал зашёл замкомбата и, поглядев на всё, скомандовал:

– Окончить приём пищи. Встать! Уносим посуду. Напоминаю, что в расположении роты хранить и принимать пищу нельзя. Поэтому всё, что вы не смогли сожрать, выбрасывайте в помойку.

В помойные баки полетели недоеденные домашние пироги, начатые консервные банки сгущёнки.

– Жалко пирог, мать пекла, а я выкидываю...

– В трусы спрячь, сожрёшь потом в толчке.

– Слышь?

День сурка

Армия напоминает день сурка. Помните кино, в котором главный герой ежедневно просыпался в один и тот же день? Вот в армии всё точно так же. Первое время все писали домой письма. И первое время эти письма легко пишутся. Потом всё начинает приедаться, входит в обыкновенный будничный режим. Через год с лишним многие вообще забыли, что у них есть дом. Армейские будни скучны и однообразны даже в ВДВ.

Когда срок службы сократили до одного года, я сперва негодовал. Как это так – служить один год? Я только к концу первого года начал понимать происходящее вокруг. С другой стороны – а что там делать второй год?

И вот в этой монотонности в голову приходят мысли и планы на будущее. Вот выйдет срок твоей службы, ты поедешь домой и там в короткие сроки устроишься на хорошую работу, начнёшь зарабатывать много денег, обзаведёшься семьёй, поступишь в институт на заочное. Для тебя нет невыполнимых задач: ты способен выучить наизусть унылый прозаический текст Устава. Ты отлично знаешь, что за пять минут времени можно сделать столько дел, сколько не каждый сможет сделать за день. Ты практически сверхчеловек. Тебя все будут уважать, ценить, и все двери будут перед тобой открыты, ведь ты же десантник. И так день за днём. Тоски по дому нет. Есть лишь жажда самореализации, энергия, которая ещё не имеет чёткого вектора.

Гражданка

И вот ты свободен! Домашние тапки мурлыкают у ног. Ты можешь сколько угодно спать, сколько угодно есть и вообще жить как угодно. Ты пережил очень многое за эти два года и ты хочешь рассказать об этом всем. Но... Всем насрать.

Вчерашний командир отделения взвода обеспечения идёт работать водителем маршрутки. На первое время, конечно, но нет ничего более постоянного, чем временное. Особенно, когда это временное подкрепляется живыми деньгами, которые тебе протягивают каждую минуту. Вчерашний связист идёт работать электриком на стройку. Работа грязновата, хотя платят неплохо. Разведчик идет в ЧОП или в ментовку. В роту ППС, если повезёт. Иные, возвращаясь в провинциальные маленькие городки, не идут никуда.

И вот получается так, что все эти люди, которые выпрыгивали из самолёта с километровой высоты, стреляли из разного оружия, мерзли в окопах на учениях, ходили в переходы на десятки километров и так далее, все эти люди превращаются в обычных россиян. В серую массу, которая заполняет осенним утром автобусные остановки. В тех, кто берет второй кредит, чтобы погасить первый. В тех, кто кричит «Горько!» на свадьбе и участвует во всех идиотских конкурсах тамады. Звучит и выглядит это всё, конечно, ужасно. На фоне этого для многих людей служба в армии и, в частности, в ВДВ – единственное достижение их жизни.

Однажды довелось мне поглядеть один дембельский альбом, который был оформлен ещё во времена очередей и дефицита. Оформление заслуживает отдельного внимания, но больше всего меня поразили портретные фотографии сослуживцев... Их было штук тридцать. Все они были сделаны в одной и той же фотостудии, в одинаковых ракурсах, и лица на этих фотографиях здорово напоминали киноактёров из фильма про весну на Заречной улице. Типичные добрые советские люди, коих сейчас уже не встретишь. Ввиду того, что люди имеют склонность идеализировать своё прошлое и сопоставлять его с настоящим, рассказ о службе владельца альбома был в лучших традициях: «Вот мы служили, было хорошо, а сейчас везде сплошь говно всякое и служат всего год!»

И тут зашёл разговор о сослуживцах. Мой собеседник рассказывал о своих армейских товарищах, которых он не видел более 20 лет, как о неких богах или апостолах, не меньше. Для него все эти люди остались молодыми, весёлыми, отзывчивыми. Законсервировавшись в его памяти, они продолжали быть его друзьями и, в каком-то роде, идеалами: «Вот Сашка из Москвы! Сержантом у нас был. Сейчас, небось, не последний человек в Москве. Он в милицию собирался идти!» Или: «А это Мишка! Знаешь, откуда? Из Геленджика! Всё хотел туда съездить. Даже адрес остался у меня его, представляешь?»

В процессе этого непродолжительного разговора я хотел поинтересоваться у моего собеседника, а в курсе ли он о том, что такое социальные сети? Однако чем больше я его слушал, тем сильнее понимал, что этому человеку там (в соцсетях) нечего делать, ведь все его сослуживцы с высокой долей вероятности из красивых, молодых и подтянутых парней превратились в типичных российских граждан с непропорциональными туловищами, агрессивными морщинами на лицах и совершенно земными проблемами. То есть все эти люди, я уверен, стали такими же, как и мой собеседник. Разрыв этого светлого, жизнеутверждающего шаблона, по моему мнению, может быть очень опасен, когда большая часть твоей жизни уже прожита, а настоящее настолько скверно, что хочется жить одним лишь прошлым.

И, наверное, самое неприятное в общении с бывшими сослуживцами заключается в том, что вам просто не о чем говорить. Он нашел тебя (или ты его) в каких-нибудь «Одноклассниках», вы рассказали друг другу о том, как прошли последние несколько лет ваших, зачастую никчёмных, совершенно простых и потому неинтересных жизней, вспомнили былое и... ВСЁ! Больше говорить не о чем. Шаблон порван. Призраки молодости спустились с небес, получили российский паспорт и растворились в море самых обычных проблем.

Или занесёт тебя иной раз на кладбище, идёшь ты и разглядываешь могилы.

Сперва все могилы кажутся одинаковыми, однако, очень много интересного можно заметить, если обращать внимание на даты рождения/смерти, а также на фотографии. Примерно на двадцатой части могильных фотографий, оттисков и гравюр, которые мне довелось видеть, были изображены люди в военной форме. Казалось бы, всё ясно. Если на надгробном фото

изображен человек в форме, значит, похоронен военный. Но мне кажется, что всё не так просто. Если обращать внимание на даты рождения и смерти, то можно заметить, что человек умер лет примерно в 35 – 40. Но тогда почему на фото изображён 20-летний парень? Скорее всего, армейские фотографии – это единственные снимки, на которых человек выглядит нормально. Именно на армейском фото ныне покойный человек изображён подтянутым, свежим, трезвым, молодым и благоухающим.

Не знаю, почему, но моё воображение рисует примерно следующую картину. Вот живёт человек себе спокойно: пашет землю, пьёт водку по выходным, «Жигули» в гараже чинит. Ну, ногу сломает на лесоповале – какое-то разнообразие. И вот в один день – БАЦ и нет человека. Кладут его в гроб, оплакивают, то-сё. Родня начинает искать фотографию на надгробие. Сидят, перебирают фотоальбомы:

– Давай эту?

– Да тут он пьяный!

– А эту?

– А тут голый...

– А эту?

– А тут зуба нет...

– А вот армейская хорошая фотокарточка... Молодой такой, красивый тут. Давай её?

– А давай...

Впрочем, долой уныние.

Раз в году в августе наступает такой день, когда можно показать всем окружающим тебя людям, что всё не зря. Ты не такой, как все, ты же служил, ты ни о чём не жалеешь и в этот день ты на несколько часов вернёшься в свою стихию. И этот августовский день всегда в зачёт целого года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.